

— Скажи-ка, младший генерал Цинь, как вы попали в засаду? Неужели на пиру после сражения прокрался лазутчик? — Юнь Байли кончиком фонарного шеста оттолкнул костлявую лапу, высунувшуюся из реки, и лениво обратился к Цинь Мянью.

Цинь Мянью сохраняла настороженность и, конечно, не собиралась откровенничать с Юнь Байли, но, желая вывести у него хоть что-то, вздохнула:

— Я не успела понять, что происходит, как лишилась чувств. Очнулась уже в храме божества земли, а затем оказалась в Преисподней. Я умоляла Владыку Янь пролить свет на случившееся, но он лишь вынес вердикт: «Можешь отправляться в реинкарнацию», — и велел мне удалиться.

Юнь Байли издал неопределенное «о».

Цинь Мянью продолжила:

— Господин Юнь, если Владыка Янь не знает причин людских грехов или добродетелей в мире живых, как же он определяет, кому после смерти суждено переродиться, а кому — отправиться в ад?

Юнь Байли насмешливо улыбнулся, про себя подумав: «Хочешь вытянуть информацию, не предложив дополнительных подношений?»

К счастью, дух девушки оказался смысленным. Она встряхнула рукавом, и на ладонь выпал тонкий золотой браслет.

— Раз уж мне предстоит перерождение, эту вещь я с собой не возьму. Если господин Юнь не побрезгует, примите её.

Юнь Байли невозмутимо принял подношение, спрятал и лишь тогда снизошел до разъяснений:

— Реинкарнация и воздаяние — это указы, что спускаются прямо с Небес, наша Преисподняя лишь исполняет их. Что до того, как отсчитывают срок жизни... Владыка Янь может судить лишь по тому, что происходило в последний миг между жизнью и смертью, и считывает это из пяти чувств самой души. Ты ведь сама говоришь, что не видела, кто устроил засаду — значит, то, что ты запечатлела в последний миг, было неясным. Даже если бы Владыка Янь, сжалившись над твоей юной душой, захотел помочь, он никак не смог бы узнать правду.

Вот оно что.

Цинь Мянью проплыла еще несколько шагов и снова спросила:

— Говорят, после смерти есть способ вернуться к жизни в чужом теле. Не знаете ли вы, как...

Юнь Байли перебил её:

— Вы там, наверху, наслушались рассказней уличных сказителей? Дурачат они таких же простофиль, как вы.

Цинь Мянью смолкла, но в глубине души не теряла надежды. Страдания под гнетом тирании северных хуннов и суровая служба разведчиком закалили её волю и сделали невероятно проницательной. Даже здесь, в Преисподней, пока порция супа Мэн По не оказалась в её желудке, она не намерена была сдаваться судьбе.

...Наконец, процессия достигла моста Найхэ.

У начала моста стояла женщина в черной шапочке и фиолетовом одеянии. Повернувшись ко всем спиной, она помешивала варево в огромном котле — это была Мэн По.

Юнь Байли подошел к ней и с великим почтением доложил о прибытии душ. Мэн По сделала жест рукой, и Юнь Байли поспешил обратно, подгоняя вереницу мертвецов к мосту.

В этот самый момент со стороны лotosовой платформы на берегу Ванчуань раздался удар гонга, а призрачное пламя в железных чашах по обеим сторонам моста Найхэ внезапно вспыхнуло яростным огнем.

Среди всполохов пламени с высокой платформы спустилось божество в высокой короне и черном парчовом халате с узором питона.

Лица Мэн По, Юнь Байли и всех прочих служителей Преисподней, до того холодные или заискивающие, в одно мгновение сменились выражением трепета и благоговения. Они пали ниц:

— Приветствуем Императора!

Прибывшим был сам владыка Преисподней — Император Дуньюэ.

Старуха-аристократка, которая первой дала взятку Юнь Байли, была хорошо знакома с подобными явлениями и прошептала:

— Это же сам Великий Император Тайшаня! Все Десять Владыки Янь подчиняются ему... нет, все души, будь то чиновники или простолюдины, грешники или праведники — все в его власти.

Услышав это, Цинь Мянью не стала съезживаться, как другие души, а напротив, подалась вперед. Она заметила, что сварливая женщина-лавочница и двое крепких мужчин тоже приближаются к мосту, явно намереваясь обратиться к Императору Тайшаня. Краснолицый чиновник загробного мира с золотой бородой, получив знак от Императора Тайшаня, объявил:

— Спустилась воля Небес. Император Дунъюэ передает указ Государыни Хоуту: отныне те, кто не желает переродиться, могут поступить на службу в Преисподнюю. Кто согласится — навеки лишится права на новую жизнь. Лимит — один человек в год. Избранный сможет вернуться к жизни в чужом теле на семь лет, чтобы свести счеты с прошлым миром.

Хотя души не смели перешептываться, в мыслях у каждого крутилось: «А господа наверху умеют считать — за семь лет земной жизни заставляют вкалывать здесь вечность, как ослов у мельничного жернова».

Юнь Байли же почувствовал себя неловко: «Какая ирония, только что уверял девчонку, что возвращение к жизни — сказки для дураков, как тут же Государыня Хоуту издала такой указ».

Только Юнь Байли перевел взгляд на Цинь Мянью, как тишина на мосту Найхэ была нарушена.

Цинь Мянью вырвалась из толпы белых одежд и молнией метнулась к котлу Мэн По. Ловким движением она выхватила ковш. Не медля ни секунды, девушка взмахнула руками и, работая сразу двумя сторонами, плеснула суп Мэн По, сваренный на воде Ванчуань, прямо в рты двоим мужчинам, которые как раз собирались что-то выкрикнуть.

Следом она развернулась, зачерпнула еще ковш и, воспользовавшись замешательством ошеломленной лавочницы, влила суп и ей.

Фиолетовая тень метнулась к ней. Мэн По схватила Цинь Мянью за плечо и в ярости воскликнула:

— Ты, девчонка-призрак, что ты себе позволяешь?!

Цинь Мянью лишь прошептала: «Прошу прощения, Мэн По», — не сводя глаз с трех душ, которых она напоила против воли.

Действительно, их лица изменились: даже свирепая лавочница теперь выглядела отрешенно, словно во сне.

Юнь Байли внезапно всё понял. Указывая на Цинь Мянью, он громко рассмеялся:

— А, ясно! Ты испугалась, что они отберут у тебя шанс вернуться, особенно эта мегера из Шу, которая всю дорогу клялась, что вернется и прирежет своего мужа и его любовницу. Напоила их супом Мэн По — и теперь они даже не вспомнят, зачем стремились обратно!

Говоря это, Юнь Байли лихорадочно размышлял. Эта девушка из рода Цинь не была злым духом, и раз у неё такая привязанность, значит, она всё ещё тревожится о том генерале Цинь Фан и хочет вернуться, чтобы присмотреть за ним. Раз уж она так верна, стоит ей помочь.

Красноречивый Юнь Байли повысил голос:

— Сразу видно армейскую выучку! Такая хватка в сочетании с мастерством — как раз то, что нужно для службы в Преисподней, чтобы усмирять адских демонов!

Цинь Мянью невольно улыбнулась — так же, как улыбалась в северных пустынях, когда обнаруживала следы врага.

Мэн По, услышав Юнь Байли, тоже всё поняла. «Эта девчонка решительна и остра на язык — отлично. Если она будет нести службу вместо меня, сбоев быть не должно, можно будет спокойно уйти пить вино».

Размышления Мэн По пришли к логическому финалу. Хотя лицо её осталось холодным, она отпустила Цинь Мянью и невозмутимо произнесла:

— Если господин Юнь прав, чего же ты медлишь? Ступай к Императору Тайшаня и проси о месте!

Цинь Мянью поспешила к парчовому халату Императора Тайшаня и, упав на колени, заявила, что готова пожертвовать вечной реинкарнацией ради семи лет жизни.

Император Тайшаня холодно произнес:

— Богам нет дела до ваших мелких людских обид. Твоя душа войдет в тело недавно умершего человека. После возвращения ты не смеешь убивать, если только не возникнет угроза твоей жизни. Нарушишь — не доживешь до семи лет, мои посланники вернут тебя в Преисподнюю. Ты по-прежнему согласна?

— Отвечаю Императору: согласна.

— Юнь Байли, отведи душу Цинь Мянью в Иньчаосы. Пусть Чэнхуан даст ей просмотреть список умирающих. Выбери одного, и она займет его место.

<http://bllate.org/book/21831/2261312>